

Руссо, как известно, выдвигал в качестве идеала не монархию, а республику. Но в то же время Руссо оговаривался, что республиканский строй пригоден лишь для малых стран и народов. Большие же государства и народы должны довольствоваться монархией. Радищев, живущий в России, напряженно размышляющий о будущем своего отечества, убедившись, что самодержавие, монархия — это всегда режим насилия, деспотизма (вог почему в своей заметке он употребляет вместо термина «монархия» — «насилие»), не мог не опротестовать этот тезис Руссо. И в своем возражении он историчен: Руссо, «не взяв на помощь историю, вздумал, что доброе правление может быть в малой земле, а в больших должно быть насилие».

Обращаясь к истории, Радищев с особым вниманием исследовал социально-экономические связи дворян и крестьян. История приходила на помощь Радищеву в понимании причин развития — они рождались на почве социальных противоречий. Крепостное право незаконно. Оно насильственно введено землевладельцами и санкционировано высшей властью. Более того, крепостное право в XVIII столетии превратилось в жесточайшее рабство. Режим рабства незаконен и преступен. Стихийный и беспрестанно возникавший протест «мертвого в законе» крепостного раба оправдан. Оправдан и нравственно, ибо он справедлив.

Собственность порождает неравенство — об этом уже писал Руссо. Радищев, опираясь на историю социальных отношений землевладельцев с земледельцами, увидел антагонистический характер этих отношений. Помещики никогда добровольно не откажутся от дарового труда крепостных. Надежды на добродетельных просвещенных благотворителей потому утопичны и наивны. Радищев, понимая это, делает важный шаг в направлении раскрытия подлинных, социальных причин развития общества: «Свобода сельских жителей обидит, как то говорят, право собственности. А все те, кто бы мог свободе поборствовать, все великие отчинники, и свободы не от их советов ожидать должно, но от самой тяжести порабощения». Екатерина II, прочтя эти слова, точно передала их социальный смысл: «То есть надежду полагает на бунт от мужиков».⁵⁹

Тем самым Радищев вскрывал неизбежность протеста, восстания, революции как единственного пути к свободе. Та же закономерность обусловила и политику монархов: поддерживая силу своего могущества угнетение народа, они ничего добровольно не уступят из своей власти («Письмо другу, жителюствующему в Тобольске»). Оттого Радищев отвергал доктрину «просвещенного абсолютизма». И в данном случае Радищев опирался на опыт истории и, в частности, на деятельность Петра I. Изучение революций в прошлом (английская революция XVII в.) и в современности (американская революция 1776—1783 гг.) убеждало

⁵⁹ Радищев А. Н. Избр. соч., 1949, с. 199, 671.